

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
БЕЛОРУССИЯ

г. Минск

= 2 СЕН 1983

зак. 6342

— **АЛЕКСЕЙ ОНУФРИЕВИЧ**, вы собирались стать профессиональным актером, окончили актерский факультет Белорусского государственного театрально-художественного института, а стали писателем...

— В театральный институт я поступил случайно. Вернулся из армии, работал слесарем на нефтеперерабатывающем заводе в Новополоцке, по вечерам ходил в драмкружок при Дворце культуры нефтяников. Репетиции, спектакли, обсуждения их — все это было очень интересно, но о профессиональной сцене я никогда не думал. Среди наиболее опытных участниц нашего коллектива была деэушка, несколько лет безуспешно поступавшая в театральный институт. И вот она-то стала убеждать меня ехать в Минск, подавать документы на актерский. Поехали, вместе сдавали экзамены и... оба поступили.

— Это было...

— В семьдесят втором году. А в семьдесят четвертом в печати появились ваши первые рассказы. Решили «пойти в писатели»?

— Да нет, что вы... Мои первые рассказы — не что иное, как своеобразные зарисовки актерских этюдов, которыми мы занимались на уроках актерского мастерства. Никто — и в первую очередь я сам — к этим литературным опусам всерьез не относился. Ну пишу помаленьку, так ведь многие пишут... Правда, один из наших педагогов — Валерий Григорьевич Басов — считал, что в моих рассказах есть внутреннее действие, говорил, что их легко перенести на сцену или на экран, и сам — он режиссер на телевидении — решил сделать короткометражку из моего рассказа «Святая птица». Фильм назывался «Колесо»...

— И руководитель вашего курса Александр Иванович Бутаков разделял это мнение.

— Наверное, разделял, потому что именно он предложил мне попробовать свои силы в драматургии — написать пьесу для нашего дипломного спектакля. От автора требовали совсем немногого: пьеса должна быть молодежной и нравиться подавляющему большинству нашего курса. На каникулах я написал первое действие, приехал в Минск, показал Александру Ивановичу. Ему понравилось, и тогда за две недели я завершил работу. Так появился «Выбор». Правда, тогда пьеса называлась иначе — «После».

— Уже в этой пьесе выявилась характерная и для последующих особенность: вы ставите ваших героев в экстремальные обстоятельства, испытываете их человеческие качества, будь то танкисты в «Выборе», или три старика в пьесе «Вечер», или «профессиональный алкоголик» Андрей Буслай в «Пороге».

— Меня действительно инте-

ресует человек в момент испытаний, когда полнее всего выявляется кто есть кто. Но, наверное, человек проявляется и в самых обыденных обстоятельствах. Ведь жизнь испытывает нас и заурядностью будней, и благополучием, и даже любовью.

— На профессиональную сцену ваш «Выбор» попал лишь в восемьдесят первом году. Его поставили в нашем Театре юного зрителя...

— Да, но в его репертуаре

кое театр? В чем его главная функция? Уж, конечно, не в том, чтобы поразвлекать часок-другой собравшихся зрителей. Для меня, во всяком случае, театр начинается тогда, когда драматург, режиссер и актер совместными усилиями заставят мою душу активно работать. А растревожить зрительскую душу — дело непростое. Вы согласны, что все начинается с драматурга? Значит, как очень точно заметил Виктор Розов, температура

Но ведь нередко случается, что режиссер берет на себя функции драматурга и перекиривает пьесу так, что бедному автору остается только воскликнуть: «Товарищи! Да ведь я имел в виду совсем другое!».

— А если пьеса, как в таких случаях говорят, не дотягивает?..

— Тогда зачем за нее браться? Из такого «брака по расчету» вряд ли что-нибудь получится. Каждый драматург мечтает о режиссере-единомышленнике, который бы чувствовал твою боль, болел бы вместе с тобой и с максимальной точностью переложил бы твою пьесу на язык сцены.

— А как ваш личный опыт? Вам уже приходилось «сражаться» с режиссерским диктатом?

— К счастью, нет. Я умел как-то договариваться с теми, с кем мне доводилось работать. Но, откровенно говоря, легче всего я находил общий язык с моими коллегами-актерами. Именно их мнение, что касается моих пьес, — для меня высший суд.

— Алексей Онуфриевич, вы написали четыре пьесы, а ваше имя уже хорошо известно любителям театра. Вашу последнюю пьесу «Вечер» сейчас репетируют в театре имени Моссовета, в Ленинградском малом драматическом. Согласитесь, немногие из ваших коллег могут похвастаться таким быстрым и очевидным признанием. Как вы относитесь к своему успеху?

— Знаете, я суверен, а успех — товарищ ненадежный, в любой момент может подвести. Кажется, кто-то из кинорежиссеров заметил, что как бы спокойно ты ни относился к своей известности, все равно определенный вред она тебе приносит. Пусть в легкой форме, но та же звездная болезнь... Считаю, единственное в данном случае лекарство — постоянно помнить о тех, кто идет впереди тебя. Забыть о своих заслугах и тянуться за теми, кто впереди.

— Кого бы вы назвали из впереди идущих?

— Их немало... Но в первую очередь Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Вячеслава Кондратьева, Василия Быкова... Замечательным писателем был Василий Шукшин. Это те, у кого я постоянно учусь.

— Чему конкретно?

— Прежде всего той правдивости и безыскусности, которые по плечу только очень большим мастерам. И еще. Они болеют за человека, за окружающий мир, за нас с вами. А без этого нет настоящего писателя.

— И последний вопрос, Алексей Онуфриевич. Над чем вы сейчас работаете?

— Хочу написать пьесу о войне. Писать еще не садился, пока собираю героев под свои знамена.

Вела беседу
Н. КОСТЕРОВА.

Рядом с интересным собеседником

Сначала о нем говорили как о молодом прозаике — писал рассказы, издавал книги для детей. Потом стали говорить как о молодом драматурге — по его рассказам, киносценариям снимаются фильмы. Нынче на сценах многих театров страны идут его пьесы.

Наша беседа — с лауреатом премии Ленинского комсомола Белоруссии драматургом **Алексеем ДУДАРЕВЫМ**.

Не люблю «театр абсурда»...

он не задержался: спектакль получился неудачный.

— Сегодня он идет в ТЮЗах Киева и Лиенаи, в театрах Запорожья, Одессы, Брянска. Для первого опыта — совсем плохо. Ну а настоящую известность принесла вам вторая пьеса — «Порог».

— Да, «Порог» вызвал к себе определенный интерес...

— Большой интерес! Пьеса была опубликована в альманахе «Советская драматургия», о ней активно заговорили критика. Чем вы сами это объясняете?

— Ну, наверное, необычностью сюжета... Да и выбор главного персонажа кому-то мог показаться странным; опустившийся алкоголик, как говорят социологи, деклассированный элемент... Но мне захотелось разобраться, почему он стал таким, где истоки зла?

— В пьесе явственно ощущимы тревога и боль за его судьбу...

— Я думаю, иначе просто нельзя. Сейчас есть немало молодых авторов, прекрасно владеющих своей профессией, они умеют лихо закрутить драматическое действие, их пьесы читаешь не без интереса. А вот дочитал и — разочарован. Чего-то не хватает. Чего-то очень важного. И это что-то — авторское отношение к тому, о чем он пишет. Ведь что та-

воей пьесы должна быть не тридцать семь с десятичными, а градусова тридцать девять — сорок. И, может, я покажусь консервативным, но признаюсь, что отношусь отрицательно к сухой, рационалистической драматургии. Не люблю, например, «театр абсурда» и вообще всякое новаторство, идущее от головы и оставляющее холодными души зрителей.

— Алексей Онуфриевич, ваш «Порог» идет в московских театрах — областном, имени Станиславского, в новосибирском «Красном факеле», в наших театрах — имени Якуба Коласа, имени Янки Купалы...

— Всего в семнадцати театрах.

— Какой из спектаклей вам кажется наиболее интересным?

— Хороша постановка Портнова в театре имени Станиславского. Нравится мне и купаловский спектакль в постановке Реевского. Он максимально сжат, очень динамичен. Хотя, быть может, атмосферу пьесы лучше передают колосовцы, у которых спектакль ставил Мазынский.

— К сожалению, не всегда замысел постановщика сливается с замыслом драматурга.

— Я считаю, что драматург всегда должен идти навстречу театру, в случае необходимости соглашаясь на предлагаемые им частные изменения.